

Виктор Владимирович Рыжов (творческий псевдоним Андрей Хорошавин), высшее техническое образование, 57 лет. ПУСТЬ ДУХИ СПЯТ (роман), жанр приключения, авторских листов – 10,4, знаков с пробелами – 415 520. Контактный телефон – 8 924 343 99 26. Электронная почта – izob1@inbox.ru.

Андрей Хорошавин
ПУСТЬ ДУХИ СПЯТ
 (роман)

События, описываемые в данном произведении, вымышлены. Совпадения случайны.

*Кто весел — тот смеётся
 Кто хочет — тот добьётся
 Кто ищет — тот всегда найдёт
 (В.И. Лебедев—Кумач)*

ПРОЛОГ

1

Мрачное, холодное утро. Двухмачтовая парусно-паровая шхуна «Люсия», взрывая обитым стальными листами бушпритом волны Охотского моря, держала курс на северо-восток. В миле справа по борту чернела скалистыми берегами Камчатка. Закрывшие всё небо тяжёлые тучи, окрашивали волны в тёмно-серый цвет, скрывая прибрежные утёсы пеленой мороси. Казалось, что вдаль море сливается с небом, но тонкая белая линия прибоя отделяла одно от другого.

На мокрой от брызг палубе стояли двое.

Один высокий, сухощавый, с потемневшим от ветра и холода скуластым лицом. На вид ему сорок пять-пятьдесят лет. Светло-серые водянистые глаза смотрят безразлично из-под густых выцветших бровей. На нём длинный просмоленный парусиновый плащ, зюйдвестка, парусиновые штаны и высокие кожаные сапоги. Непропорционально длинные руки, оканчиваются ещё более непропорционально большими, как клешни краба, заскоружлыми красными кистями.

Это Рональд Крафт, известный на всю Аляску гарпунёр по прозвищу Ронни-Быстрая Смерть. А ещё, Ронни был известен среди зверобоев своим тяжёлым, как и его кулаки, характером и без промаха бил из кентуккийской винтовки с любой дистанции. «Не стой на пути у Ронни, если жизнь дорога». — Так все говорили о нём.

Другой, лет тридцати. Среднего роста, широк в плечах, строен, одет в толстую суконную куртку чёрного цвета и такие же брюки. На ногах крепкие кожаные пропитанные тюленьим жиром башмаки. На голове синяя шерстяная шапочка толстой вязки, покрыта мелкими каплями брызг. Руки в карманах куртки. На груди, на кожаных ремнях раскачивается бинокль. На боку кобура. Красивое обветренное лицо наполовину скрыто чёрной аккуратно постриженной бородой. Прямой, как у аристократа нос. Зелёные глаза. Всегда чуть прищуренные, они искрились умом и коварством.

Звали человека — Чарли Доусон. «Чарли Счастливчик», — называли его зверобои. Он был одновременно и владельцем, и капитаном шхуны «Люсия». Считалось большой удачей попасть в команду к Чарли. Каким бы ни выдался сезон, «Люсия» всегда возвращалась с трюмом набитым жиром и звериными шкурами. Как это удавалось Чарли, хотели бы знать все, но... «Чарли есть Чарли», — пожимали плечами зверобои и разводили в стороны свои огрубевшие от мозолей руки.

— Послушай Ронни, а ты уверен, что никто кроме нас с тобой не знает об этом месте? — Чарли прижал бинокль к глазам.

— Да. — Ответил Ронни.

— А почему ты так в этом уверен?

— Потому, что я перерезал эскимосу глотку сразу, как только он окончил свой рассказ о золотом Пеликене. Теперь ты спокоен? — Ронни прикрыл глаза, не взглянув на Чарли.

— Теперь да. — Чарли скосил глаза. — Ронни, мы ведь друзья?

— Да, мы друзья, Чарли. — Светло-серые глаза Ронни стали ещё светлее.

Через четыре часа шхуна, миновав лиман, вошла в устье реки, с широким руслом. Ветер стих, но сыплющаяся с неба водяная пыль, перешла в мелкий морозящий дождь. Матросы непрерывно бросали за борт лот, промеряя фарватер. Паруса убраны. «Люсия» двигалась вверх по течению, на паровом ходу. Чадя трубой и перемалывая винтами пресную воду, она давала не больше трёх узлов ходу.

Берега становились всё выше. За пеленой дождя, заросшие соснами, лиственницами, берёзой и кустарником, они чернели скальными выступами, похожими на огромные зубы. Пахло лесной гнилью, хвоей и грибами. Русло постепенно сужалось. Замеры глубины показали, что дно реки всё ближе подбирается к килю «Люсии». Пришлось ещё сбавить ход.

С марса донеслось:

— Вижу движение прямо по курсу!

Команда высыпала на палубу. Из серой пелены вынырнули три короткие, сшитые из шкур, лодки. Широкоплечие, скуластые гребцы, одетые в олени кухлянки, ловко управляясь с двухлопастными вёслами, подплывали под самые борта. Они смотрели вверх раскосыми глазами, и что-то отрывисто кричали.

— Ронни, чего им надо? — Кто-то из тех, кто впервые попал в эти места, хлопнул Крафта сзади по плечу.

— Это коряки. — Ответил Ронни. — Спрашивают, зачем пришли.

— Ронни, скажи, что я пришёл к его жене! — Палуба взорвалась хохотом.

Снизу опять, что-то прокричали. Крафт ответил. Лодки отошли от борта и унеслись вперёд.

— Что ты сказал им, Ронни!

— Они спрашивали про огненную воду. — Крафт сплюнул за борт и спустился вниз. — Будет им огненная вода.

Через пятнадцать минут слева по борту показалось стойбище. Яранги стояли вкруг, у подножья высокой сопки в пятидесяти ярдах от берега. Отовсюду тянуло дымом. На берегу полно коряков: мужчины, женщины, дети. Все в одеждах из шкур. Молчат и смотрят. Собаки подняли лай.

— Стоп машина! — Скомандовал Чарли. — Отдать якоря! Спустить шлюпку с левого борта!

Загремела цепь. Якоря упали с обоих бортов, подняв фонтаны брызг. Цепи натянулись. Течение вздыбилось бурунами из-под просмоленных бортов, и «Люсия» замерла посредине реки.

Уже давно стемнело. Дождь прекратился. Ветер разогнал тучи, и над стойбищем, в мерцании звёзд, поднялась белая луна. В центре догорал большой костёр. Коряки уже перепились. Кто-то ещё ползал, кто-то пытался петь и плясать, всматриваясь в огонь полуприкрытыми глазами. Но большинство — мужчины, женщины и даже дети, валялись повсюду прямо на земле рядом с собаками. Они блестели в ночи пустыми глазами, похожие на мертвецов.

Чарли Стоун и Ронни Крафт сидели на шкурах в яранге старейшины рода и жевали оленину. Сам хозяин уже изрядно подпивший, с жадными бегающими глазками на потном заросшем редкой щетиной лице, рассказывал какой он, Кайнин, смелый охотник. За его спиной высилась куча подарков. В свете огня искрился бисер, блестели стальные швейные иглы, пестрели клубки цветных нитей и отрезки дешёвой яркой ткани. Отдельно сложены табак и виски.

Ронни говорил, а Чарли слушал и, не мигая, смотрел на маленькую, размером с большой палец руки, золотую фигурку пузатого божка, болтающуюся на кожаном шнурке на шее старейшины рода.

Заметив внимание гостей к золотой фигурке, Кайнин расплылся в улыбке:

— Это Пеликен! — Пьяно тьякнул он. — Он приносит богатство и удачу. — Если гладить ему живот, то Пеликен будет доволен и щедр.

Ронни поднял на старейшину холодный взгляд и заговорил вкрадчиво:

— Большие белые люди слышали о вашем боге, и знают, что он щедр и весел. Но большие белые люди никак не могут понять, как такой маленький бог, — при этом Ронни указал пальцем на фигурку, — может сделать счастливым такой большой народ?

— Не веришь?! — Старейшина вскочил на короткие кривые ноги. — Смеёшься?!

— Мы не смеёмся, — отвечал Ронни, опустив глаза и подливая виски старейшине. — Мы просто хотим знать. Может Пеликен принесёт счастье и нам?

— Это маленький Пеликен. Он слабый и служит только мне. Но большой Пеликен может всё! — Старейшина снова бухнулся на шкуры. — Нужно пойти, дать ему жиру и погладить живот.

— Где же он живёт? Мы принесём ему невиданные подарки. Пусть сделает нас удачливыми и счастливыми. Проводи нас к нему, храбрый Кайнин, и мы дадим тебе ещё подарков.

— Я большой охотник... ик... — старейшина выпятил губу и качнулся, едва удерживая глаза открытыми.

— Мы дадим тебе длинное ружьё, порох и много пуль. Дадим тебе большой железный нож. Ты станешь величайшим охотником своего народа. Отведи нас к своему богу.

— Он тут. Ночь, день и ещё... Шаманы решают... — Старейшина начал быстро погружаться в пьяный сон. — Пустят.... Там, у реки.... В скале есть.... Погла... — Старейшина завалился на спину и захрапел.

— Готов! — Ронни сплюнул.

— Мы перестарались с виски, Ронни. — Чарли встал.

— Зато теперь мы знаем, что делать завтра. — Ронни тоже поднялся. — Пошли. Надо сказать парням, что бы перевязали этих свиней.

Когда Ронни и Чарли покинули ярангу, из-под кучи шкур вынырнула лохматая детская голова с искрящимися озорными глазами. Мальчишка лет десяти бесшумно вышел вслед за гостями и лаской юркнул в темноту.

Старая шаманка Лактынэ жила на отшибе. Её шалаш, сделанный из сосновых веток и обложенный у основания мхом, стоял на плече каменного зуба, торчащего из сопки, у подножия которой расположилось стойбище. Мимо шалаша шла тропинка. Извиваясь, она тянулась от реки к лесу и скрывалась в гуще деревьев. Дымил костёр. Шаманка курила деревянную трубку и смотрела на угли слезящимися глазами.

Послышался шорох. До шаманки донёлся тихий детский голос:

— Бабушка Лактынэ-э.

— Милют, это ты? — Шаманка насторожилась и отложила трубку в сторону.

Из темноты вышел мальчик и присел у костра. В его чёрных раскосых глазах плясали озорные искорки.

— Что делают большие люди?

— Ушли на большую лодку.

— Что в стойбище?

— Все спят. Большие люди дали много огненной воды.

— И Кайнин?

— Дедушка Кайнин пил много огненной воды и говорил с большими людьми.

Взгляд шаманки похолодел:

— О чём они говорили, Милют?

— Большие люди хотят тоже стать счастливыми. Они просили дедушку Кайнина отвести их к большому Пеликёну. У них глаза лисы. Они мне не нравятся. Они много говорили, а я ничего не понял. Они дали дедушке Кайнину много подарков и обещали длинное ружьё и железный нож.

— Старый дурак!! — Шаманка, кряхтя, поднялась на ноги. — У больших людей — жадные глаза. Когда они видят желтые камни, они слепнут и становятся злыми, как не спящий зимой медведь. Они заберут большого Пеликёна и все жёлтые камни. Будет много горя.

Мальчик втянул голову в плечи.

— Вставай, Милют. — Шаманка достала кусок вяленой чавычи, завернутый в кожу, и сунула за пазуху мальчику. — Беги к священному стойбищу. Беги всю ночь и весь день, не останавливаясь. Скажи Великой шаманке Ивнэ — большие белые люди узнали о Пеликёне и скоро придут за ним.

4

Кайнин, храбрый охотник и старшина рода, проснулся от головной боли, и первым делом хотел приложиться к бутылке. Но не тут-то было. Руки оказались крепко связанными за спиной. Чья-то сильная рука ухватила его за шиворот. Кайнина, как щенка, выволокли из яранги и поставили на трясущиеся ноги. Он захлопал глазами, озираясь по сторонам.

Все сородичи стояли посреди стойбища, сбившись в круг, со связанными за спиной руками. Их головы были опущены. Вокруг них с ружьями в руках стояли люди с большой лодки.

Кайнин обернулся, всё ещё ничего не понимая. За спиной он увидел Ронни и Чарли — его друзей, с которыми он пил вчера огненную воду и ел оленину. Ронни подошёл к нему и тряхнул за плечо.

— Ну, что, проспался? — Он тряхнул Кайнина ещё раз. — Слушай и запоминай. Сейчас ты поведёшь нас к своему большому богу, как и обещал вчера.

— Ай! — Взвизгнул храбрый охотник. — Я не могу. Духи покарают всех, кто водит к Пеликену чужих.

Ронни повернул голову и кивнул. Один из матросов вытолкал из толпы связанных коряков молодую девушку, поставил на колени и приставил к её горлу широкий нож. Она завывала, обливаясь слезами. Из толпы рванулся парень, но кто-то ударил его прикладом в подбородок и парень рухнул без сознания. Женщины завизжали и попадали на колени. Мужчины потупили взоры.

— Ай! — Кайнин завертел головой. — Зачем?

— Зачем? — Ронни за шиворот поднял Кайнина над землёй и притянул к себе. — Если ты не отведёшь нас, как обещал, то мы перебьём всех твоих сородичей, и виноват в этом будешь ты.

Глаза храброго охотника наполнились страхом. Колени подгибались. Руки дрожали. Кругом выли женщины и плакали дети.

— Я отведу вас. Только не убивайте.

— Вот и хорошо! Мы просто попросим вашего бога сделать нас счастливыми, дадим ему много подарков и вернёмся. — Ронни вновь тряхнул Кайнина так, что у него щёлкнули зубы. А если не вернёмся — всех твоих родичей убьют. Понял?

Кайнин опустил голову и упал на колени.

Ему накинули на шею верёвку, и повели, как собаку на поводке.

5

Дорога заняла больше суток. Сначала шли вдоль реки, в которую «Люсия» бросила якоря. Потом поднялись по проходу, промытому дождями между скал, и углубились в лес. Узкая тропа, то поднималась на сопки, то спускалась вниз. Пришлось идти по одному. Первым вели на верёвке Кайнина, за ним шли остальные. Ронни двигался позади всех. Он нес на плече две винтовки и ещё две нес за ним помощник. Помощник должен был заряжать винтовки и подавать их Ронни, если вдруг придётся стрелять.

На засаду они нарвались к середине второго дня пути. Сорок воинов встретили их из-за укрытия стрелами, ранив троих, но этим не отпугнули, а лишь привели матросов в ярость. Пятнадцать головорезов из команды Чарли, вооружённые кольчугами и короткими абордажными саблями скалили зубы и рвались в бой, но Ронни приказал отступить. Потом из-за камней появился высокий и крепкий коряк, одетый в шкуру медведя белого цвета. В руке он держал копьё. Он сказал, что духи не хотят, пускать белых людей к Пеликену. Что белые люди должны уйти иначе воины убьют белых людей. Ронни не ответил ничего. Грянул выстрел, и коряк в белой шкуре завалился на спину с простреленной головой.

В ответ полетели стрелы. Кайнин заполз за камень и попытался сбежать. Его пнули пару раз в бок и затянули потуже петлю вокруг его шеи.

Ронни приказал разделить на две группы. Засаду обошли с флангов и укрылись за камнями на расстоянии, которое стрелы коряков не могли преодолеть. Сам Ронни поднялся на небольшую сопку. Отсюда он, как на ладони, видел укрывавшихся за камнями и деревьями коряков. Обосновавшись за большим валуном, Ронни, как кроликов, начал отстреливать их с расстояния в двести ярдов и перебил больше половины. Коряки же не могли ни отступить, ни броситься на Ронни, так как в обоих случаях попадали под перекрёстный огонь с флангов. Оставшихся, добились после короткой атаки абордажными саблями и ножами. А ещё через полчаса, разъярённые матросы ворвались в стойбище.

Убивали всех: женщин, детей, стариков. Горели яранги. Повсюду лежали трупы.

Перепуганный Кайнин кричал, что это священное стойбище и духи будут мстить и всех убьют. Но Ронни приставил нож к его горлу и тот повёл всех дальше. Спустились вдоль

бурной реки и, протискиваясь по узкой тропе между большими валунами, вышли к водопаду. По стёсаным камням вошли под падающие с высоты в шесть ярдов струи воды.

За водопадом открылась почти круглая, около двадцати-двадцати пяти ярдов в диаметре, пещера с высоким сводом. На стенах, укрепленные в паре ярдов над полом, горели светильники в виде каменных плоских с жиром. Нещадно коптя, они освещали стены и свод пещеры тусклым мерцающим светом. Каменный пол засыпан черным песком.

Посредине возвышался постамент. Был он в виде каменного столба диаметром в два и высотой в четыре фута. Солнечный свет падал прямо на его поверхность через отверстие в своде пещеры. Постамент был пуст.

Ронни бросился к постаменту. На его поверхности отчётливо блестели, втёртые в камень следы золота. Его голубые глаза побелели от бешенства. Развернувшись, он ухватил за шиворот Кайнина. В руке у Ронни снова сверкнул нож.

— Где Пеликен?! — Эхо его голоса металось под каменным сводом пещеры.

— Не знаю!! — Кайнин упал к ногам Ронни.

— Куда его унесли?! — Нож сверкнул вновь. Ронни отсёк Кайнину левое ухо. Брызнула кровь. Кайнин завизжал, как свинья, прижимая окровавленную руку к ране. Ронни пнул его сапогом. — Говори!! Убью!!

— Уймись, Рон. — Голос одного из матросов прозвучал гулко и весело. — Лучше посмотри сюда.

За постаментом, у дальней стены в полутьме тускло поблескивали золотые самородки, сложенные в две большие кучи.

— Плевать мне на самородки!! — ревел Ронни. — Где Пеликен?! — Он вновь схватил Кайнина. — Я убью тебя. Говори где он. — Ронни прижал нож к горлу Кайнина. Появилась кровь. — Ну!! — Эхо гулом отдавалось под сводом пещеры.

— Я не знаю-ю!! — Храбрый охотник причитал и плакал как старуха. — Здесь где-то есть вход в нижнюю пещеру, но шаманы прячут его.

— Да?! А, ну-ка заткнись!! Заткнитесь все!! — рявкнул Крафт и поднял палец вверх.

В наступившей тишине, нарушаемой только шумом водопада, послышались странные звуки. Они были глухими и тихими и шли как будто из-под каменного пола пещеры. Будто кто-то бил палкой по пустой бочке. Потом звуки ненадолго смолкали, но через некоторое время всё повторялось.

Крафт оттолкнул всхлипывающего Кайнина. Прислушиваясь, он прошёл вдоль стен по кругу, потом вернулся, лёг, разметал ладонью песок и приложил ухо к полу. Так он переползал с места на место и прислушивался несколько раз, пока не произнёс:

— По-моему здесь! Огня!

Ему принесли светильник. Ронни очистил от песка круг в три ярда диаметром, затем лёг и долго вглядывался в пол. Наконец он вынул нож, вогнал его в еле заметную трещину и надавил. Все увидели, как камень по форме напоминающий круг шевельнулся.

— Сюда! — Рявкнул Ронни.

Камень подцепили ножами и саблями. Один край его приподнялся. Ронни запустил в образовавшуюся щель свои корявые пальцы и выдернул камень из пола. Все увидели круглое отверстие диаметром меньше ярда. Оттуда доносились звуки бубна. Приглядевшись, Крафт увидел концы жердей деревянной лестницы, приставленной к краю отверстия.

Великая шаманка Ивнэ била в бубен. Одета в шкуру оленя, она подалась вперёд и дёргалась в такт ударам. От этого чёрные верёвки, закрывавшие глаза шаманки

колыхались, а на груди, в свете пламени костра, подвешенная на кожаных ремнях, сверкала золотая пластина в форме рыбы. Завывания и короткие вопли метались под сводом пещеры, отражённые от каменных стен. Её окутывал дым костра. Шаманка уходила в нижний мир, что бы разбудить злых духов нинвитов и назвать им имена убийц её народа. Она уже вошла в транс и поэтому не слышала как Ронни, спустившись по лестнице с кольцом в руке, встал у неё за спиной.

Эта пещера была много меньше первой. Всего каких-то пять–шесть ярдов в диаметре. С минуту Ронни осматривался, а затем шагнул к шаманке.

— Хватит выть, старая карга. Говори где Пеликен? — Он рывком стащил верёвки с лица шаманки и замер.

Холод пробрал Ронни до самых костей. Сама смерть смотрела на него из этих остекленевших, будто подёрнутых инеем чёрных глаз. Шаманка завывала, как волчица, медленно наступая на Ронни.

— Пеликен никогда не будет служить злым людям. Тебе никогда не найти его, Ронни Крафт. — Она оскалилась в улыбке.

Ронни остолбенел. Шаманка назвала его имя. Он начал отступать.

— Откуда ты знаешь меня? — Ронни мямлил, продолжая медленно пятиться. Вид у шаманки был страшен.

— Духи всё знают. Я проклинаю весь твой род. Все мужчины твоего рода не будут жить дольше тебя и никогда не увидят своих внуков, потому, что скоро ты сам умрёшь, Ронни Крафт. Смерть ваша будет страшной и медленной. Так будет длиться до тех пор, пока кого ни будь из вас, не принесут в жертву.

— Замолчи! — Крафт вскинул кольт.

Шаманка впиалась ледяным взглядом в глаза Крафта и вскинула бубен над головой. Золотая пластина в форме рыбы ослепила его на мгновение. Ронни почувствовал, что теряет сознание. Голова закружилась. В глазах потемнело. Колени начали подгибаться. Из последних сил он нажал на спусковой крючок колта.

Грянул выстрел. Пуля ударила в грудь шаманки. Она завалилась рядом с костром и начала страшно выть и хохотать, харкая кровью.

Ронни тряхнул головой. Оцепенение сошло, но что-то тонкое, как игла вошло в живот и осталось там холодной льдинкой. А шаманка всё хохотала и хохотала, пока Крафт не добил её выстрелом в голову.

Ронни снова огляделся.

Полумрак. На стенах пещеры, изрисованных странными рисунками, пляшут блики от пламени костра. Что-то насторожило Ронни, что-то было не так, но он не мог пока понять, что. Он подошёл ближе к телу шаманки, сорвал золотую пластину с её шеи, снова осмотрелся. Ничего. Сплюнув на пол, Ронни поморщился и приложил руку к животу. Со лба скатилась капля пота. Ещё раз осмотревшись, он сунул пластину за пазуху и пошёл к лестнице.

Когда Ронни поднялся на последнюю ступеньку, то почувствовал, что боль в животе отпустила. Лицо приятно обдало потоком воздуха. Дышалось легче. Ронни на секунду замер и... прыгнул вниз.

Выхватив из костра горящую головешку, он поднял её над собой. Пламя отклонялось в сторону отверстия в потолке пещеры. Ронни прошёл в противоположную сторону, пока не упёрся в стену. Пламя затрепетало и захлопало, срываясь с головни. Теперь Ронни почувствовал поток воздуха и здесь, только он шёл справа. Снова он поднял головню над головой, шагнул вправо. Ещё шаг. Вот оно!

Здесь стены пещеры не смыкались, а как бы надвигались одна на другую, образуя между собой, не видимый в темноте проход высотой фута в четыре и шириной в два. Едва

протиснувшись, Ронни попал в совсем маленькую пещерку, больше походившую на каменный мешок.

Здесь, как и в большой пещере, через небольшое отверстие вверху на пол падал солнечный свет. На полу лежала оленья шкура, накрывая собой что-то, около двух с половиной футов высотой. Свет падал прямо на шкуру.

Ронни присел. Дрожащей рукой он взялся за край и потянул на себя. Шкура свалилась на каменный пол, подняв облако пыли. И в тот же миг, в середине этого облака блеснуло золото. Пузатый человечек, освещённый солнцем, сверкал, скалился зубастой улыбкой и смотрел пустыми глазами на Ронни.

7

Через две недели, загрузившись золотом и пополнив запасы воды, «Люсия» спустилась по реке, миновала лиман и вышла в Охотское море. На берегу остались дымящиеся головешки да обугленные трупы коряков. Что бы не оставлять свидетелей, Чарли приказал вырезать всё стойбище. Всех поглотила холодная алчность, превращающая людей в самых страшных на свете животных.

Когда обогнули мыс Лопатка и двинулись к Алеутским островам, Чарли приказал закрепить на носу и корме по фальконету и приготовить к бою шестифутовые пушки. Всем раздали винтовки. Команде было приказано оружие с плеч не снимать и быть готовыми отразить нападение в любой момент. «Люсия» входила в Берингово море — вотчину русских военных кораблей. Они охраняли здешние воды от браконьеров, и не уступали «Люсии» в скорости, а вооружением превосходили её. Если «Люсию» захватят — то экипажу не избежать каторги. Но за всё время пути до острова Уналашка, они не встретили ни одного корабля.

Чарли пока ещё везло.

От Уналашки «Люсия» двинулась на Асторию — оплот браконьеров всех мастей, где легко можно было сбыть награбленное. Русские воды остались позади. Впереди ждали все радости жизни. Но именно здесь удача изменила Чарли.

Когда до цели оставались считанные мили, сильнейший шквал, неожиданно налетевший с запада, подхватил шхуну и, сорвав паруса. Как игрушку, перебрасывая шхуну с волны на волну, понёс её прямо на скалистый берег. Такелаж разметало по палубе. Грот-мачта с треском разломилась. Но самое страшное ожидало «Люсию» в полумиле от берега.

Чёрные, острые как зубы касатки прибрежные камни, в огромном количестве скрывались у самой поверхности воды. Волны пенились вокруг них белыми бурунами и взлетали к небу тучами бриллиантовых брызг. «Люсия» была обречена, хотя и имела очень низкую осадку. Спаситься можно было только в лёгкой плоскодонной шлюпке. Таких имелось две штуки. По одной с каждого борта. Одну снесло падающей мачтой. Вторая ещё держалась на балке.

Матросы вывалили на палубу и бросились к шлюпке. Но Ронни уже был возле неё. В руках он держал по кольцу, и широко расставив ноги, преграждал им путь. Перед ним, прямо в палубу был воткнут тяжёлый топор на длинной дубовой рукоятке. Весь мокрый, с развевающимися на ветру волосами, он смотрел перед собой глазами, побелевшими от злости. За его спиной Чарли торопливо забрасывал в шлюпку мешки с самородками.

— Не подходите, парни! — Хрипел Ронни. — Лучше не подходите!

— Ронни! Чарли! Сволочи! Бей их!! — Выхватив ножи, команда бросилась на Ронни. Захлопали кольца. Ронни стрелял с обеих рук. Судно сильно качало и потому некоторые пули не попали в цель. Но к тому моменту, когда барабаны обоих колец опустели, у его

ног на окровавленной палубе лежало восемь человек. Кто-то умер сразу, кто-то, зажав рану, отползал за остатки такелажа. Палуба окрасилась кровью.

Кольты полетели за борт. Ронни вырвал топор из палубных досок и поднял над головой. Вид его был ужасен. Опешив, команда отхлынула, но через мгновение матросы пришли в себя и вновь бросились на него. Блеснула сталь. Ронни не раздумывая разрубил голову одному из атакующих, а другому вогнал топор в плечо до самого обуха. Оставшиеся матросы, в страхе отступили.

— Парни! — Ронни оскалился. Весь забрызганный кровью он был страшен, как сам дьявол. — Стойте, где стоите, и тогда никто больше не пострадает.

Матросы сникли — мужество оставило их. Увидев, как Ронни хладнокровно действует топором, они не смели двинуться с места, и только проводили взглядами, скользнувшую во мрак шлюпку.

8

Ронни насмерть вцепился левой рукой в борт шлюпки. Другой рукой он прижимал к себе несколько мешков с самородками. Между ног была зажата золотая статуэтка. С «Люсии» в след им неслись проклятия. Грохнул фальконет, шлёпнув двухдюймовым ядром далеко за бортом шлюпки. Но через мгновение раздался оглушающий треск и крики. «Люсия» развалилась на куски, налетев со всего маха на каменный зуб.

При падении шлюпки на воду, Ронни сильно ударился затылком о днище и рассёк его. Но сознание не потерял, и это было пустяком, по сравнению с тем, в каком положении оказался Чарли.

Чарли выбросило из шлюпки. Он успел на лету вцепиться руками в борт, и теперь пытался забраться внутрь. Но шлюпку кидало на волнах из стороны в сторону, и у Чарли ничего не получалось.

— Ронни! — Орал он, стараясь перекричать шум ветра и волн. — Дай руку!

Ронни молчал. Он смотрел на побелевшие пальцы Чарли. Он видел, как тот теряет силы, но даже не пошевелился. То одна, то другая рука Чарли срывались, и он лишь чудом удерживался за край скользкого борта. А шлюпку как щепку, волны переносили над каменными выступами, бросая из стороны в сторону.

— Ронни-и!! — Вновь заорал Чарли. — Помоги-и!! — Он из последних сил подтянулся. Шлюпка накренилась и черпнула воды.

И тогда, не отпуская мешков и не отцепляя руки от борта, Ронни поднял ногу, которой прижимал к днищу шлюпки статуэтку, и с силой ударил пяткой по запястью Чарли.

— Своло-очь!! — Взвыл тот. — Ты, что-о!!

Ронни врезал по запястью второй раз, и Чарли навсегда скрылся в холодной чёрной воде.

Наутро, с проплывающего мимо судна, заметили обломки «Люсии». В куче обломков, прибитых к берегу, колыхалась полузатопленная шлюпка с единственным уцелевшим человеком. Им оказался Рональд Крафт, известный на всю Аляску гарпунёр по прозвищу Ронни — Быстрая Смерть. Находясь в полубоморочном состоянии, одной рукой Ронни держался за борт шлюпки, другой прижимал к себе тяжёлые кожаные мешки, набитые золотыми самородками. Ногами он прижимал к днищу шлюпки золотую статуэтку — пузатого человечка высотой в два с половиной фута, который сверкал на солнце зубастой улыбкой и пялился на всех пустыми глазами...

Роберт Крафт закончил рассказ и тяжело с присвистом выдохнул, будто снял с плеч тяжкую ношу. Его голова со спутанными седыми волосами откинулась на измятую подушку. Глаза закрылись. Нижняя челюсть свисла вниз. Кожа лица была жёлтой в коричневых пятнах.

Ночник освещал небольшой стол, заваленный лекарствами и край широкой кровати. Пахло аптекой. Тишину нарушало только учащённое дыхание больного.

Джим Крафт молчал, откинувшись в большом кресле, придвинутом к постели отца. Ему тридцать восемь лет. Его глаза сверкают в полумраке стальными холодными огоньками. Тонкие губы плотно сжаты. Угловатое, вытянутое к низу лицо. Изогнутый нос. Широкие скулы. Острый начисто выбритый подбородок выдвинут вперёд, как нижняя челюсть бульдога. Волосы, коротко остриженные на боксёрский манер, уже тронула седина. Тёмно-серая, кажущаяся чёрной пиджачная пара, белая сорочка, чёрный галстук. На ногах дорогие туфли.

Его отец, Роберт Крафт, глава сети предприятий, снабжавших полимерной тарой и упаковкой для морепродуктов всё Тихоокеанское побережье от Аляски до Австралии, сейчас лежал перед ним и умирал от рака.

— Так, так, та-ак, — Подбородок Джима дернулся вверх. — Значит умный, предприимчивый и прозорливый прапрадедушка Рональд, на самом деле был обыкновенным пиратом? Это даже интересно. Ну и что?

— Ничего. — Отец открыл глаза и взглянул на сына. — Это мне мой отец и твой дед Эдгар рассказал перед смертью. Эдгару рассказал Вилли — мой дед и твой прадед. А Вилли об этом рассказал сам Рональд. Теперь я рассказываю об этом тебе.

— Да ты знаешь отец, если честно, то мне наплевать, откуда появились денежки в нашей семье. Главное, что они появились.

— Мне тоже глубоко плевать, но ... — Крафту старшему каждое слово стоило большого труда, потому он часто останавливался и тяжело дышал. — Мы живём в обществе псевдо моралистов.... Если эта информация просочится в прессу... — будет скандал....

— Плевать, мне на прессу, и на телевидение, и на общественное мнение, и на их картонную мораль! — Глаза Крафта младшего сверкнули недобрым огоньком. Рот растянулся в улыбке. — А ты знаешь, мне даже стало легче после твоего рассказа. Потому, что внутри меня всю жизнь живёт пират. И подозреваю, нет, я теперь просто уверен, что этот пират жил, живёт и будет жить в каждом Крафте с рождения. Во всяком случае, теперь всё встало на свои места.

— Ничего не встало на свои места... — прохрипел Крафт-старший. — Ронни тогда едва исполнилось пятьдесят.... Говорили, он был крепким, как кусок льда.... Никогда ничем не болел.... Но через месяц после экспедиции его скрутило.... Да так, что он орал... и всё клял старую шаманку.

А потом, он собрал новую экспедицию и сгинул... на этой проклятой Камчатке. Зачем он туда поплыл? — никто не знает. Может он хотел искупить грехи, а может просто решил напоследок взять ещё золота. Только шхуна вернулась без золота и без Ронни.... Как рассказал капитан, тогда раза по три на дню, всё содрогалось от землетрясений. Не сильные, но они действовали на нервы и вызывали камнепады. Ронни взял ружьё, еды и ушёл. Он приказал ждать, но больше его не видели. Через две недели пошли искать, но недалеко рванул вулкан, и всё завалило пеплом. Пришлось вернуться. Шхуна прождала Ронни ещё месяц, а потом ушла, исчерпав запас продуктов питания.

Джим снова двинул челюстью. Отец взглянул на него страшными глазами: